

МИР ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЫ В РОМАНЕ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА “ПОДЛИПКИ”

© 2007 В.В. Буряченко

Воронежский государственный университет

Имя К. Н. Леонтьева, писателя, публициста, дипломата, философа и богослова, было возвращено в русскую культуру сравнительно недавно. По политическим причинам в советское время он был запрещенным автором, чуждым и враждебным советскому образу мышления уже потому, что всегда был сторонником крепкого самодержавия и сословной структуры общества в России. Лишь в 90-е гг. XX в. к нам возвратились работы русских философов, выделивших Леонтьева в ряду великих отечественных мыслителей. В 1993 г. появилась книга с необычным и вызывающим названием “К. Леонтьев, наш современник”, которая представляет собой сборник. В него вошли сочинения самого К. Леонтьева, статьи о нем его современников (Вл. Соловьева, П. Астафьева и др.) и петербургских философов 1990-х гг. (Б. Адрианова, Н. Мальчевского и др.).

По мнению составителей данной книги, в частности Б. Адрианова, К. Н. Леонтьев — “одна из вершин того направления русской мысли, представители которого... задумались: есть ли русские идеалы, и... каков providенциальный смысл русской истории...” [9, 4]. Авторы подчеркивают современность многих идей К. Леонтьева. Так, он считал, что “Россия должна... значительно разниться от Запада... государственно-бытовым строем своим. Иначе она не главой религиозной станет над ним, а простодушно и по-хамски срастется с ним ягодицами демократического прогресса...” [9, 7]. Мысль об индивидуальном пути развития нашей страны, будь то культура, экономика или иная область, актуальна и теперь, когда мы пытаемся копировать западный или американский образ жизни. Кроме того, К. Леонтьев чрезвычайно важен для современных читателей потому, что он повышает наше патриотическое самосознание и самооценку, он “вольно или невольно пробуждает в русском человеке представителя великого народа, который... утвердится

в сознании того, что русские — великий народ, с великой культурой, великим государством, великой историей” [9, 9].

В. В. Зеньковский в своей знаменитой “Истории русской философии” оригинальность мировоззрения К. Леонтьева объясняет сочетанием в нем глубокой религиозности и эстетизма, которые воспитала в нем мать. Автор “Истории русской философии” полагает, что именно в пору службы дипломатом на Ближнем Востоке окончательно сложилась религиозная, философская и политическая концепция К. Леонтьева. В частности, В. В. Зеньковский останавливается на взглядах К. Леонтьева, которые особенно выделяли его в ряду русских философов. Отношение к религии, добру и злу, роли России в мировой истории, понимание К. Леонтьевым любви и гармонии совершенно не укладывались в общепринятые рамки. Именно концепция любви К. Леонтьева дала повод его современникам называть его аморальным человеком, русским Ницше. Суть этой концепции в том, что К. Леонтьев «решительно различает (до Ницше!) “любовь к ближнему” и “любовь к дальнему” (к человечеству вообще)» [6, 428]. Первую он защищает, а вторую высмеивает как надуманную и далекую от правды жизни. Сам Константин Николаевич особенности своих взглядов объяснял тем, что “так долго жил и мыслил в уединении турецких провинций, что почти все... мысли о славянах, Европе и Востоке создались и созрели беспомощно и независимо” [15, 57-58].

Современные ученые и философы, С. Г. Бочаров, А. Ф. Сивак, Л. А. Тихомиров, П. П. Гайденко, В. И. Косик [1; 3; 10; 22] и другие, продолжают исследовать феномен К. Леонтьева, его философские, религиозные и эстетические взгляды, пытаясь определить его место в русской культуре.

Однако отношение к К. Леонтьеву не может быть простым и однозначным. Оно не было таким даже со стороны сочувствовавших ему со-

временников. Слишком неожиданно и парадоксально он мыслит.

Эстетизм, который был для К. Леонтьева мерой всех вещей, стал для него художественным и философским принципом. К. Леонтьева называли реакционером за приверженность Византизму. По его мнению, Византизм являлся "основой нашего, как государственного, так и домашнего быта" [14, 22]. Константин Николаевич ненавидел Западный прогресс, который он воспринимал как "процесс разложения, вторичного упрощения целого и смешения составных частей... процесс уничтожения тех особенностей, которые были органически свойственны общественному телу" [14, 23]. Под "общественным телом" подразумевается Российское государство со своим самодержавным строем и сословной иерархией. Именно против такого государственного устройства и нацелен прогресс в понимании К. Леонтьева. Он твердо верил в необходимость сословий и царской власти в России. Он также настаивал на особой, исключительной роли России в мире, поэтому очень болезненно воспринимал стремление нашей страны следовать новомодным веяниям. С его точки зрения, у нас это выходило "грубее и глупее европейского" [15, 57].

К. Леонтьев надеялся "в делах литературных... узреть правду себе на земле живых", т. е. очень часто ему приходилось "видеть искреннее сочувствие и слышать самые лестные похвалы от одних людей и самую странную несправедливость, самое убийственное равнодушие от других, именно тех, кто мог что-нибудь сделать" [15, 43]. Сделать — значит опубликовать его статьи. Однако часто бывало, что какой-нибудь редактор "все сильно сочувствует и сочувствует, но как-то слабо содействует" [15, 63]. Так, например, дело обстоит с его известной ныне статьей "Византизм и Славянство", которую долго не печатали.

Самолюбивый, иногда до крайности шепетильный, уверенный в своем уме и литературных способностях, К. Леонтьев был в одно время готов "сжаться" для какого-нибудь редактора, не разделявшего его взгляды, чтобы "провести хоть часть своих идей" [15, 67]. По этой же причине он мог бы стать членом разных обществ и принимать участие в юбилеях и публичных чтениях, над которыми всегда смеялся. Конечно, были и те, кто высоко ценил талант К. Леонтьева. Вот одна из оценок его современника, историка и публициста, беллетриста и издателя, профессора Московского университета М. П. Погодина: "Верьте, что я с радостью все, что могу, сделаю для вас. Нам нужны такие люди, как Вы, умные, просвещенные, мыслящие и... благородные..." [15, 59].

Если философские взгляды Леонтьева достаточно подробно изложены в работах Вл. Соловьева, В. Розанова, Н. Бердяева, С. Булгакова, В. Зеньковского [6; 9; 21] и др. философов, то его литературные произведения до сих пор остаются малоизвестными. Поэтому сегодня все больший интерес появляется именно к литературной части наследия К. Н. Леонтьева. В. А. Котельников, Т. Ф. Прокопов, С. В. Жижикашвили, Г. Д. Гачев, Г. Кремнев, С. Лесневский, Ю. П. Иваск [4; 5; 7; 11; 12; 16] и др. исследователи изучают его литературные труды. В Волгограде в 2002 г. Е. В. Хрипунова защитила кандидатскую диссертацию по прозе К. Леонтьева, в которой анализирует все художественное творчество писателя с учетом его религиозного и эстетического мировоззрения. Это первая попытка осмыслить литературные работы К. Леонтьева. Изучение художественной стороны его наследия, его места в истории русской литературы еще только начинается.

Перу К. Леонтьева принадлежат такие произведения, как "Подлипки", "Исповедь мужа", "Очерки Крита", "Хризо", "Хамид", "Аспазия Ламприди" и др. Тематика художественного творчества писателя отражает его религиозное и эстетическое мировоззрение, определяемое православной традицией, и соответствует событиям в жизни К. Леонтьева. В связи с этим Е. В. Хрипунова делит его творчество на три периода: русский (1854—1866), восточный (1866—1871) и период с 1872 по 1891 г., характерный преобладанием темы личного спасения и обретения вечно блаженства [23]. И хотя у своих современников К. Леонтьев как писатель не получил такого же признания, как, например, Ф. М. Достоевский или Л. Н. Толстой, его художественные произведения привлекательны с точки зрения проблематики, а также точного и лаконичного стиля.

По утверждению В. С. Соловьева, «первые беллетристические произведения Леонтьева... хотя и не лишены таланта, но, по позднейшему признанию самого автора, не представляют значительного интереса, будучи написаны под... влиянием Ж. Санда по идеям и Тургенева по стилю. Литературная самобытность Леонтьева проявилась вполне в его повестях "Из жизни христиан в Турции"... Сюда же принадлежат рассказ "Сфакиот", роман "Камень Сизифа" и начало романа "Египетский голубь"... И. С. Аксаков... был в восхищении от его восточных повестей и говорил: "Прочтя их, не нужно и в Турцию ехать"» [9, 321].

Среди литературных работ "русского периода" у К. Леонтьева особенно выделяется роман "Подлипки". Это произведение легко вписывается в традиции русской литературы по теме рус-

ского дворянства. В романе К. Леонтьев пытается осмыслить феномен сословия, которое он так ценил и которому придавал огромное значение в развитии русской культуры. С дворянством К. Леонтьев связывает все, “что у нас было хоть сколько-нибудь красивого и... законченного”, в частности, “законченные формы чести и долга” [14, 302]. В статье “Достоевский о русском дворянстве” К. Леонтьев подчеркивает мысль Ф. М. Достоевского, что “дворянство нужно, и что только у одних дворян в России есть истинное чувство чести” [14, 305]. “Подлипки” — это художественное отражение истинных взглядов К. Леонтьева.

Роман написан в форме воспоминаний о русской усадебной жизни, о проведенных в родовом гнезде детстве и юности. С самых первых страниц произведения герой К. Леонтьева сообщает читателю, насколько особенным и неповторимым было для него родовое имение: “В Подлипках, казалось мне, никто не страдает — все цветет и зеленеет; лай собак, пение петухов, шум ветра многозначительнее, не такие, как в других местах; мужички все, встречаясь, улыбаются, собаки знают меня, и умирать там, должно быть, легче, чем где-нибудь в другом месте” [13, 81]. И хотя воспоминания Владимира Ладнева не соответствуют хронологической последовательности событий прошлого, т. к. “следуют за настоящими размышлениями и путаются с ними” [13, 37], действительность представляется достаточно целостной. Ведь в России XIX в. составляющие дворянской жизни, в частности усадебной, были единообразны.

Говоря о дворянстве, мы представляем себе вполне определенные образы, атрибуты и уклад жизни, т. к. “принадлежность к дворянству означала обязательность определенных правил поведения, принципов чести, даже покроя одежды” [19, 6]. Балы, дуэли, карточные игры, позднее начало дня и позднее его окончание, литературные вечера и музыкальные праздники — все это составляло образ жизни дворянского сословия и подчинялось строгим условностям. Свободная манера поведения, допустимая на празднике в деревне, оказывалась “неприемлемой на балу или даже на домашнем вечере в столице” [19, 65]. Даже говорить следовало соответственно случаю. На балу, например, “каждый танец влек за собой приличные для него темы разговоров. При этом... беседа составляла не меньшую часть танца, чем движение и музыка. Выражение “мазурочная болтовня” не было пренебрежительным. Непроизвольные шутки, нежные признания и решительные объяснения распределялись по композиции следующих друг за другом танцев» [19, 96]. Такой уклад жизни часто спо-

собствовал образованию культурных усадебных центров, где проводились театрализованные представления, детские балы, устраивались библиотеки и целые музеи [2, 8].

Таким образом, усадебный дом также должен был соответствовать общепринятым условностям и продолжать традиции. Роман К. Леонтьева “Подлипки” тем и интересен современному читателю, что в нем представлена некая идеальная модель дворянской усадьбы периода ее расцвета. Имение Солнцевых отвечает всем требованиям времени: большое строение с флигелями и дворовыми постройками, прилегающий к зданию сад и парк. В восприятии героя дом меняется подобно живому организму. Он видит его то шумным и веселым, когда дом полон гостей, то одиноким и “безжизненным”, когда первый снег покрывает липы и яблони в саду, рождая чувство глубокого одиночества в душе главного героя. А после долгого отсутствия Володя Ладнев замечает, что “дом осел; все комнаты... казались малы, окна кривы и обои сморщены и стары” [13].

Но само строение не особенно интересует героя-повествователя. В его памяти гораздо больше места занимает сад, который традиционно являлся продолжением дома [8]. Для Владимира Ладнева он был местом детских игр, романтических свиданий и юношеских мечтаний: “Однажды весной сидел я под цветущим кустом черемухи и с бешеным восторгом читал Гомера”, — вспоминает герой. “Когда я дошел до того места, где Ахиллес... ложится спать с наложницей... я бросил книгу. Для чего эта весна? Зачем эта черемуха в цвету, если нет настоящей жизни, нет подруги молодой... Да, если б жениться теперь втайне, встречаться здесь под черемухой, любить друг друга до исступления, до бешенства, до боли...” [13, 84].

Сад в Подлипках — это типичный для того времени уголок усадебной природы с дорожками среди деревьев и кустарников, с густыми цветниками и беседками. Традиция садово-паркового искусства, восходящая еще ко времени Киевской Руси и хранившаяся в средние века монастырями, в XVIII—XIX вв. продолжалась и в дворянских поместьях, где природа, преобразованная мастерами, хранила отпечаток времени, моды, человеческого мастерства и желаний хозяина. По определению Д. С. Лихачева, “сад — это, прежде всего... форма синтеза различных искусств... связанного с великими стилями и развивающегося... с развитием филологии, литературы (особенно поэзии), эстетическими формами быта (по преимуществу привилегированных слоев общества...), с живописью, архитектурой, музыкой... Восприятие сада... требует... познаний

в области истории искусств и истории быта... знания поэзии и т. д.” [17, 448–449]. Поэтому сады, окружавшие дворянских детей с самого раннего детства, не могли не влиять на формирование духовно развитой, поэтической личности.

Кроме того, сады всегда были важны как связующее звено между прошлым, настоящим и будущим. Владимир Ладнев вспоминает предание о жестоком помещике, впоследствии убитом дворовыми, который приказал крестьянам на месте болота насыпать курган и разбить сад. Этот курган, так и оставшийся в саду Подлипок, является своеобразным памятником предкам. В этой связи Д. С. Лихачев пишет, что “исторические воспоминания и поэтические ассоциации — это есть то, что больше всего очеловечивает природу в парках и садах, что составляет их суть и специфику... Временная перспектива, которая открывается в них, не менее важна, чем перспектива зрительная” [17, 29]. Сад “служит... воспоминанием об отцах и будущим напоминанием правнукам...” [17, 29] о предшествующих владельцах. В них, “как в тексте”, можно прочесть историю искусства, моды и эстетических пристрастий того времени.

Одной из характерных черт русских усадебных садов были узкие аллеи, традиционно обсаженные липами, дубами и березами. Название произведения “Подлипки”, что значит “под липами”, заставляет вспомнить о высаживаемых в дворянских усадьбах аллеях, в частности липовых. “В большом саду нашем, которым мы гордились перед всей окрестностью, много липовых и старых березовых аллей. В липовых хорошо, когда жарко, а в самой длинной из березовых аллей, когда осенью шумит ветер... я слышу в этом шуме... много знакомого, особенного, чего я не слышу в шуме других деревьев...” [13, 24–25]. Из этого краткого описания совершенно понятно, как дорог и любим был усадебный сад для Владимира Ладнева.

Особенностью усадебной жизни дворян была непосредственная близость к ним крестьян. Их быт всегда соседствовал с жизнью и бытом помещиков, поэтому Володя Ладнев с детства был хорошо знаком с крестьянскими буднями. Рядом с помещьем “...ближе к реке смотрят снизу на барский дом избы дворовых семейных людей. И там живут! Там развешан невод, там к раките у избы прислонена рыбацья сетка на длинной палке; разноцветное белье сушится на плетне... Ширина, зелень и сила везде!” [13, 72]. Для героя это гармоничная, естественная картина, привычная с раннего возраста. Поэтому ни крестьянские избы, ни рыбацья сеть не мешают ни чувствам, ни мыслям; напротив, они завершают образ усадьбы. Однако хозяйство,

включая крепостных и горничных, интересовало тетюшку Марью Николаевну Солнцева лишь до известной степени: она не любила “нечистоты” в доме и в саду и всегда интересовалась происходящим в усадьбе. Чтобы следить за полевыми работами, у нее был назначен приказчик “из своих крепостных”.

Из-за близкого соседства между помещиками и крестьянами в дворянской усадьбе складывались особые отношения. Несмотря на естественные различия дети двух сословий часто росли и играли вместе. Володя Ладнев, конечно, разборчив в отношении к дворовым, но совсем не груб. Он также отмечает среди них одаренных и талантливых людей. О крепостной девочке, взятой Марьей Николаевной в дом для игр с маленьким Володей, он с теплотой вспоминает: “Катюша... была для меня не горничная, и не просто Катя, подруга детства, а *даровитая простолюдинка*, священный предмет”¹ [13, 131]. Курсивом К. Леонтьев выделил здесь то, что можно назвать культурным стереотипом. Тип привлекательной для молодого дворянина дворовой девушки есть во многих произведениях, так или иначе касающихся дворянского быта. Детская привязанность героя не осталась простым увлечением, проходящим с возрастом. Ладнев всегда трепетно относился к подруге детских лет и впоследствии способствовал выкупу Кати из крепостных и ее союзу с Модестом, следуя своему романтическому идеалу “соединения образованного человека с простолюдинкой высокой души” [13, 191].

Итак, окружающая природа и усадебный быт формировали внутренний мир героя как молодого дворянина. Его духовно-нравственные и эстетические чувства и пристрастия складывались также под воздействием его бездетной тетки Марьи Николаевны Солнцевой, в доме которой он рос в любви и нежности. Марья Николаевна Солнцева представляет собой типичную дворянскую тетюшку², которая заменила Володе родителей и перенесла на него все свои лучшие неистраченные чувства. «Мать моя тоже умерла на руках у тетюшки, и всю дружбу свою к отцу и к ней, все свое врожденное чадолобие, которому, по бездетности ее, не было прямого исхода, обратила она на меня. Сама она заботилась о моей одежде, о моем ученье... учила сама меня читать “Отче наш”, “Богородицу” и самую любимую мою молитву...” [13, 49] — вспоминает Ладнев.

¹ Курсив К. Леонтьева (прим. автора).

² Такая же тетюшка, или бабушка, показана в некоторых других произведениях русских классиков о “дворянских гнездах” (И. Тургенев “Дворянское гнездо”, И. Гончаров “Обрыв” и др.) (прим. автора).

В доме Марьи Николаевны строго соблюдались светские и религиозные традиции: в определенное время ели и пили чай, приглашали гостей и устраивали вечера с музыкой, пением и танцами; все домочадцы на Пасху красили яйца, на чистый четверг все мыли. Ладнев вспоминает, что по православному календарю “постился, вставал к ранней обедне, никогда не уходил прежде конца службы из церкви”, помня наставления тетушки: “Кто уходит рано из церкви, тот, как Иуда, который ушел с тайной вечери до конца” [13, 81].

Своему религиозному чувству, рожденному примером и словами своей наставницы, герой старается найти применение в жизни. Он сам себе обещал не рукоприкладствовать и не кричать на простых людей (как это делали многие помещики) “из желания быть порядочным человеком”. Не раз вечером Владимир “уходил из дома и клал по два, по три рубля в церковную кружку на углу; нищим стыдился подавать так”, чтоб ему “было нечувствительно: подавал серебро, а не медь... чувствовал себя крепче и светлее, когда ел просфоры...” [13, 81]. Встреча с отвергнутым семьей двоюродным братом Модестом Ладневым еще больше пробудила в нем сострадание. Для того чтобы помочь ему, Володя должен был осмелиться просить за него тетушку, что было нелегко в сложившихся обстоятельствах. Но как раз возможный тетушкин отказ и неудобство положения обостряют стремление Ладнева помочь брату. Ведь герой считает, что необходимо делать “такое добро, чтобы чувствовать боль, чтобы самому было чувствительно... Вот случай тебе: Модест... Сведи его с тетушкой и потеряешь часть наследства!” [13, 137]. Однако опасения Владимира напрасны: он находит в себе смелость и при случае представляет Модеста тете. Она отнеслась к родственнику с известной долей благосклонности и никак не изменила свое отношение к Володе. Таким образом, Владимир Ладнев постоянно находится в стремлении совершенствовать свой дух. Чувство собственного достоинства приобретались им через оценку чужих и собственных поступков и “стыд”, который является мериллом духовной зрелости. Это не могло не отразиться на поступках героя.

Так, его первое чувство к Паше было быстрое, грустным и очень нравственным. Типичная история первой любви молодого дворянина к простолюдинке имела, однако, не совсем типичный конец. Ладнев вспоминает о девушке с проникновенной нежностью: “Она подарила меня несколькими днями самой чистой, самой глубокой неги и тоски” [13, 33]. Его чувство было по-настоящему романтично, очень зыбко и основано на жалости, которая представлялась ему непременным элементом *настоящей* любви.

“Мне не хотелось жалеть Пашу, потому что хотелось не любить ее, а повеселиться с ней” [13, 36], хотелось телесной любви, которая, однако, так и не случилась — Ладнев пожалел девушку и, думая о ее будущем, отослал в другую деревню, “от себя подальше”. Причины такого необычного для молодого барчука поступка, должно быть, кроются в том самом религиозном чувстве, которое много лет впитывал он в доме Марьи Николаевны, и, как следствие, в особом понимании чувства сострадания и добра, которые глубоко укоренились в его душе. Паша навсегда осталась дорогим воспоминанием не только потому, что стала первой девушкой, ради которой он отказался от своих желаний, но она целиком была связана с его родовым гнездом, миром эстетически значимым и целостным.

Любовь и забота окружали Владимира Ладнева всюду и не могли не способствовать его духовно-эстетическому росту. Домочадцы и дворовые баловали его. Девушки звали его “ангелочком, кавалером и носили... на руках” [13, 49]. Французская гувернантка, обязательное присутствие которой предусматривало дворянское воспитание, добрая и веселая *m-me Bonne*, всегда поддерживала и развивала необузданное воображение Володи занятиями по географии, рассказами о путешествиях Кука и других исследователей.

Вообще, чтение в образовании и воспитании дворян занимало огромное место. Ю. М. Лотман пишет о том, что “в дворянском культурном мире складывалось особое детство. Женщина-читательница породила ребенка-читателя. Чтение книги вслух, а затем самостоятельная детская библиотека — таков путь, по которому пройдут будущие литераторы, воины, политики”³ [19, 62]. Неудивительно поэтому, что книжный мир и мир реальный для героя К. Леонтьева часто не имел четких границ. Кроме того, картинки с изображением музейных экспонатов оживляли и дополняли образы, возникавшие в сознании Володи Ладнева. “Все вырастало тогда вокруг меня: камин... был для меня горящим древним замком, зала — огромной пустыней, душники печей — отверстиями ада, а члены... семьи нашей... мифологическими богами... Все читанное и слышанное старался я воплотить в окружающем меня” [13, 39]. Потом еще долго, будучи уже взрослым и образованным человеком, Владимир

³ “Женщиной-читательницей” Ю. М. Лотман называет женщину-дворянку XIX, начавшую активно читать; а поскольку именно женщины, в основном, занимались воспитанием детей, то они неизбежно приучали и их к чтению (прим. авт.).

Ладнев хранил теплые воспоминания о своей гувернантке и в книге, подаренной m-me Vonpe, находил "больше поэзии, чем в самых гениальных вещах" [13, 81].

Эстетически утонченный, воспитанный на литературе, Ладнев чрезвычайно чувствителен к разнообразию жизни и ко всему, что имеет художественную ценность. Именно через призму художественности воспринимает он мир и окружающих людей. Именно поэтому легко меняется его настроение. Так, неприязнь к Теряеву, его знакомому, не раз посещавшему имение Солнцевых, сменилась дружеским расположением. Теряев стал для Ладнева "*своим*"⁴ лишь только потому, что прочел наизусть "Тройку" Некрасова "с таким искренним одушевлением... что... мороз пробежал по спине..." [13, 166]. Поэтому "*свой*" — очень важное слово в эстетической оценке Ладневым явления и человека. Принять душой и сердцем, т. е. сделать "*своим*", он может только того, кто способен художественно, как он сам, воспринимать мир и читать стихи так, "что мороз по коже".

Естественно, что герой К. Леонтьева живет эмоциями больше, чем рассудком. Он очень любит и ценит жизнь и однажды восклицает: "...Я иногда... выходил из себя от досады на людей, не понимающих прелесть жизни" [13, 170]. Часто его детские представления и мечты сталкиваются с действительностью, рождая желание примирить мир реальный с воображаемым. В этом ему помогают полученные знания по истории России, переплетающиеся с живыми наблюдениями за ее настоящим. Ладнев также начинает активно заниматься литературой: много читает, пробует переводить прозой Шиллера и, в итоге, сам пишет роман-воспоминание, что является закономерным для молодого дворянина, воспитанного в лучших традициях русского дворянского сословия. Автор романа не говорит о том, связал ли Владимир свою дальнейшую жизнь с писательством. Однако можно смело утверждать, что "Подлипки" — распространенный результат в среде усадебного дворянства, т. к. именно дворянские усадьбы — мир, вобравший в себя все культурное наследие предшествующих поколений и отразивший традиции усадебных комплексов в России, — давали почву для формирования художественного и поэтического сознания.

Человек, росший в такой среде, неизбежно оказывался под ее влиянием. Русская дворянс-

кая усадьба со своими культурными центрами, хранившая опыт предков, окруженная богатой природой, является частью нашей культуры и истории. Ю. М. Лотман призывает нас не забывать, что великая русская культура, "которая стала национальной культурой и дала Фонвизина и Державина, Радищева и Новикова, Пушкина и декабристов, Лермонтова и Чаадаева и которая составила базу для Гоголя, Герцена, славянофилов, Толстого и Тютчева, была дворянской культурой" [19, 15]. В этот славный ряд имен русских писателей-дворян необходимо добавить и имя К. Н. Леонтьева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочаров С. Г. "Ум мой упростить я не могу" / С. Г. Бочаров // Лит. газ. — 1991. — 18 дек.
2. Вергунов А. П. Вертоград. Садово-парковое искусство России / А. П. Вергунов, В. А. Горюхов. — М.: Культура, 1996. — 431 с.
3. Гайденок П. П. Наперекор историческому процессу: К. Леонтьев — литературный критик / П. П. Гайденок // Вопр. лит. — 1974. — № 5. — С. 159-205.
4. Гачев Г. Д. Русская дума: Портреты русских мыслителей / Г. Д. Гачев. — М., 1991. — С. 50-53.
5. Жижикашвили С. В. Леонтьев К. Н. / С. В. Жижикашвили // Библиогр. словарь. — М., 1990. — Т. 1. — С. 407-409.
6. Зеньковский В. В. История русской философии / В. В. Зеньковский. — М.: Академический проект, Раритет, 2001. — 879 с.
7. Иваск Ю. П. "Подлипки" К. Леонтьева / Ю. П. Иваск // Новый журн. — 1995. — № 40. — С. 142-152.
8. Каждан Т. П. Художественный мир русской усадьбы / Т. П. Каждан. — М.: Традиции, 1997.
9. К. Леонтьев, наш современник / сост. Б. Адрианов, Н. Мальчевский. — СПб.: Издательство Чернышева, 1993. — 464 с.
10. Косик В. И. Константин Николаевич Леонтьев: Реакционер, пророк? / В. И. Косик // Сов. славяноведение. — 1991. — № 3. — С. 3-11.
11. Котельников В. А. Православные подвижники и русская литература. На пути к Оптиной / В. А. Котельников. — М.: Прогресс-плеяда, 2002. — 383 с.
12. Кремнев Г. Константин Леонтьев и русское будущее: К 100-летию со дня смерти / Г. Кремнев // Наш современник. — 1991. — № 12. — С. 167-169.
13. Леонтьев К. Н. Египетский голубь. Роман, повести, воспоминания / К. Н. Леонтьев. — М.: Современник, 1991. — 527 с.

⁴ Курсив К. Леонтьева. "*Своим*", "*нашим*" Ладнев неоднократно называет и сад, который всегда прекрасен для героя: и в зимнем унынии, и в яркий летний день (прим. авт.).

14. Леонтьев К. Н. Избранное / К. Н. Леонтьев. — М.: Рарогъ, Московский рабочий, 1993. — 400 с.
15. Леонтьев К. Н. Моя литературная судьба / К. Н. Леонтьев. — М.: Русская книга, 2002. — 526 с.
16. Леонтьев К. Н. Лесневский С. Писатель-иннок: К 160-летию со дня рождения К. Н. Леонтьева / С. Лесневский // Кн. обозрение. — 1991. — 25 янв. — С. 8-9.
17. Лихачев Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст / Д. С. Лихачев. — М.: Согласие, 1998. — 450 с.
18. Лосский Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский. — М.: Сварог и К, 2000. — 496 с.
19. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства / Ю. М. Лотман. — СПб.: Искусство, 2002. — 415 с.
20. Низовский А. Ю. Усадьбы России. Подмосковные. От Петербурга до Саратова / А. Ю. Низовский. — М.: Вече, 2005. — 315 с.
21. Розанов В. В. Литературные изгнанники. Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев / В. В. Розанов // Собр. соч.: Под общ. ред. А. Н. Николюкина. — М.: Республика, 2001. — 476 с.
22. Сивак А. Ф. Константин Леонтьев / А. Ф. Сивак. — Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1991. — 88 с.
23. Хрипунова Е. В. Проза Константина Леонтьева: Эволюция, проблематика, стиль: Автореф. дис. ... канд. фил. наук / Хрипунова Елена Валерьевна. — Волгоград, 2002. — 24 с.

Рецензент — О.А. Бердникова.

Статья принята к печати 17.11.2006.